

Эскимос с Марса

Автор:

Дарья Донцова

Эскимос с Марса

Дарья Донцова

«... «Продается половина кошки в живом виде».

Прочитав это сообщение, я опешила и еще раз посмотрела на текст. «Продается половина кошки в живом виде». Господи, как подобное возможно? ...»

Дарья Донцова

Эскимос с Марса

«Продается половина кошки в живом виде».

Прочитав это сообщение, я опешила и еще раз посмотрела на текст. «Продается половина кошки в живом виде». Господи, как подобное возможно? Если разрезать несчастное животное пополам, то оно умрет. И о какой части идет речь: передней или задней? Вот вы бы предпочли купить голову или хвост? Первую придется кормить, для второй покупать наполнитель. Может, киску разрубили вдоль? Ну и глупости лезут мне в голову!

Я отложила газету бесплатных объявлений, отхлебнула кофе, заела его конфетой и снова уставилась на полоску. «Продается половина кошки в живом виде». Нет, не будет мне покоя, надо позвонить по указанному телефону и задать простой вопрос: зачем делить Мурку на куски? Поколебавшись некоторое время, я схватила трубку, набрала номер, услышала хриплое «алло» и

поинтересовалась:

- Объявление давали?

Телефон вначале хрипел, потом из него долетело:

- Угу.

Мое любопытство достигло крайней точки.

- Она живая?

- В принципе да, - сообщила женщина, - но если захотите сделать ремонт, возражать не стану.

Я изумилась до предела, первый раз слышу про ремонт кисы, но, возможно, хозяйка имеет в виду простую процедуру купания?

- Ну, так как, - поторопила меня тетка, - приедете смотреть?

- Вы ее показываете?

- Хотите купить, не увидев, что берете? - удивилась в свою очередь женщина.

- Вы далеко живете? - спросила я.

- Смотря откуда ехать, - весьма разумно ответила незнакомка. - Вообще-то я живу в Подмосковье, но это намного лучше, чем в центре Москвы. Глупые люди рвутся поселиться на Садовом кольце и потом спят с закрытыми окнами, дыша воздухом из кондиционера, а у нас во дворе летом яблони, груши, зелень, зимой снег чистый, сахарный.

- Я тоже живу за городом и не хочу перебираться на Тверскую, - подхватила я, - для меня Ложкино лучше всего.

Женщина издала смешок.

- Ложкино? По Новорижскому шоссе домой ездите?

- Верно, знаете наш поселок? - поддержала я беседу.

- Моя квартира находится в городке «Медтехника», - радостно объявила собеседница.

- Да ну? - подскочила я. - Это совсем недалеко от моего дома: если напрямик через поле топать, то за четверть часа дойти можно! Мы к вам на хлебозавод за батонами бегаем, такого «Нарезного», как там, в Москве не купить, настоящий хлеб, из отличного дрожжевого теста.

- Ну, придете глядеть? - вернулась к основной теме женщина.

- Да, прямо сейчас, - пообещала я, - можно?

- Конечно, - милостиво согласилась она.

Я схватила сумочку, бросила туда мобильный, кошелек и поспешила во двор. Пожалуйста, не надо считать меня дурочкой, но заяву о продаже половины живой кошки дала дама из соседнего городка. Я никогда бы не отправилась в дальний путь, чтобы удовлетворить разбушевавшееся любопытство, но животное находится на расстоянии вытянутой руки от Ложкино! К тому же после того как Маша уехала учиться в Париж, Зайка с Кешей и близнецами тоже перебрались в столицу Франции, а Дегтярев переселился к своему сыну Теме, я постоянно забываю купить хлеб. Вот и сейчас в полотняном мешочке, который, перед тем как отбыть вместе с Манюней, наша домработница Ирка повесила на кухне, нет ни крошки, а мне вечером захочется съесть тостик.

Я завела свой «Мини-купер» и поехала по шоссе. И вовсе я не любопытна, как сорока, просто ни разу не видела половину кошки в живом виде!

Владелица животного оказалась полной пенсионеркой с приветливой улыбкой.

- Быстро примчалась, - сказала она, впуская меня в квартиру.

- Тут ехать всего ничего, - кивнула я и представилась: - Даша.

- Надя, - после небольшого колебания ответила хозяйка, явно привыкшая сообщать еще и отчество.

- Ну и где же она? - не вытерпела я. - Очень хочется ее увидеть.

Надя обвела рукой прихожую.

- Нравится?

- Красиво и уютно, - похвалила я интерьер, - весьма просторный холл, наверное, здание строили по особому проекту?

- Угадали, - подтвердила Надежда, - когда-то городок возводили для сотрудников завода «Медтехника», в этом доме жило начальство, но потом народ стал квартиры продавать, из старых жильцов нас лишь двое осталось. Идите сюда.

Мы миновали длинный коридор и очутились в квадратной комнате с двумя большими окнами.

- Ну? Как вам? - спросила Надя.

- Замечательно. А где кошка?

- Зачем вам Муся? - удивилась Надежда. - Бродит где-то. Разве в квартире пахнет? Мусенька аккуратная, она никогда нигде не безобразничает.

- Здесь изумительная чистота, - заверила я хозяйку, - просто я хочу посмотреть на половину...

Из соседней комнаты раздался оглушительный грохот. Надя бросилась на звук, я поспешила за ней. Помещение, куда я ворвалась следом за хозяйкой, оказалось по размеру чуть меньше того, которое пару минут назад мне показывала Надежда, но выглядело оно не менее уютно.

– Вазу разбил, – с горечью отметила пенсионерка, – хрустальную! Я привезла ее в семьдесят пятом году из Чехословакии! Отличное качество, и вдребезги! Ну как тебе не стыдно!

Сидевший за столом мальчик лет четырнадцати не обратил ни малейшего внимания на слова бабушки. Он схватил со стола карандаш и начал быстро чиркать им по бумаге.

Надежда насупилась, мне стало ясно: ей почти до слез жаль вазу, с которой связано много приятных воспоминаний. И наверное, бабушке не по вкусу поведение внука, который даже не извинился, совершив оплошность.

– Просто безобразие! – возмутилась пенсионерка.

Мальчик, не изменившись в лице, орудовал карандашом.

– Немедленно убери! – приказала Надя. – Эй, Олег!

Ребенок, не отрывая глаз от бумаги, заговорил:

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– Сейчас же прекрати! – стукнула кулаком по столу старушка. – Олег! Кому говорю!

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – размеренно повторил мальчик и стал из стороны в сторону раскачиваться на стуле.

– Вот несчастье! – устало сказала Надя. – Никогда таких вредных не видела! Прикидывается, что меня не слышит, есть отказывается, зато в туалете по часу сидит, спать в одежде ложится, брюки не снимает, рубашку тоже.

– Это ваш внук? – спросила я.

Надя внезапно рассмеялась, а Олег монотонно произнес:

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести.

– Я не специалист, но, похоже, мальчик болен аутизмом, – предположила я.

– Что за напасть такая? – ахнула Надежда. – Заразная?

– Нет, – сказала я, – ребенок с такой болезнью полностью отгорожен от действительности, не желает общаться с окружающими, живет в собственном мире. К сожалению, большинство людей считает аутистов умственно отсталыми, но на самом деле они гениальны, и из таких детей вырастают великие математики, писатели, композиторы.

– Мало радости от их талантов, если с ними за чаем не поговорить, – вздохнула Надя. – По мне, так лучше обычного мальчика иметь, понятливого. Пусть двойки получает, в футбол гоняет, школу закончит, в армии отслужит, женится. Обойдемся без великих. Ну и как с таким разговаривать?

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – без всяких эмоций повторил паренек.

Надя села в кресло.

– Во! Слышали! Издевается, постоянно цифры бурчит.

– Олег пытается вам что-то сказать, – вздохнула я.

– Так пусть говорит, – обозлилась она.

– У него свой язык, похоже, эти цифры имеют большое значение для мальчика, – протянула я, обогнула стол, приблизилась к подростку и решила завести с ним беседу: – Здравствуй, Олег.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – раздалось в ответ.

– Идиот! – в сердцах воскликнула Надя. – Господи, за какие грехи ты мне на склоне лет такое испытание послал? Хотела его по голове погладить, дотронуться не успела, только руку протянула, так мальчишка визжать начал!

– Аутисты не выносят чужих прикосновений, – пояснила я. – Если такой человек разрешает себя обнимать или дает вам руку – это демонстрация наивысшей степени доверия. Очень часто ребенок не проявляет ее даже по отношению к родителям. Особенности дети крайне привязаны к обстановке, очень тяжело переживают смену местожительства и привычной пищи.

– Откуда вы знаете? – с недоверием покосилась на меня Надя.

– В институте когда-то прослушала курс лекций по психологии. И...

Слова застряли у меня в горле. Олег, по-прежнему не обращавший на нас внимания, продолжал быстро водить карандашом по бумаге, но я только сейчас посмотрела на его работу и поняла: он с удивительной точностью и филигранным мастерством воспроизводит одну из картин русского художника Перова, она называется «Тройка» и демонстрируется в Третьяковской галерее. В распоряжении Олега был всего лишь один простой карандаш и лист бумаги формата А4, но мальчик умудрился разместить на малом пространстве всю композицию. Он уменьшил фигуры детей, изображение бочки, санок и удивительно точно передал выражение лиц подростков. Если бы картина была нужного размера, а Олег имел краски, копия могла стать неотличимой от оригинала.

– Здорово! – похвалила я Олега. – Ты молодец. Давай познакомимся, меня зовут Даша.

– Сто двадцать четыре, семьдесят восемь, двести, – без всякой агрессии произнес мальчик.

Я повернулась к Наде:

– Олег не ваш внук...

Она махнула рукой:

– Сплошная беда. Нет, конечно, я надеюсь, что дочь мне нормальных родит, не уродов.

- Не говорите так, - попросила я, - мальчик все понимает.

- Тогда почему он так себя ведет? - возмутилась она.

- По-другому он не может, - вздохнула я.

- Таблетки от его болезни продают? - с надеждой спросила хозяйка квартиры. - Вон у соседки, Зинаиды Кирилловны, внучка с припадками слегла, так ей уколы делали, нонче она козой скачет.

- Увы, аутизм остается для науки загадкой, фармакология пока бессильна, - развела я руками. - Думаю, надо показать Олега психотерапевту. Хороший специалист может подобрать ключи к мальчику. Как он к вам попал?

Надежда покосилась на Олега.

- Дочь моя, Лариска, привезла. Никогда она меня не слушала, сколько раз я ей внушала: Лара, на свете существует много хороших профессий, выучись на стоматолога и живи припеваючи. Не хочешь быть врачом - иди в институт иностранных языков, если тебя совсем прижмет, частные уроки прокормят. И ведь она имела возможность выбрать вуз, школу закончила с золотой медалью, всего один вступительный экзамен сдай - и студентка. Я с юности мечтала высшее образование получить, да не вышло. Думала, дочь выучится, но у Ларки упрямства много.

Я подавила вздох. Большинство пап и мам желает своим чадам добра, поговорка «Родители плохого не посоветуют» не лишена смысла. Но частенько старшее поколение пытается осуществить при помощи детей или внуков свои собственные мечты. Наверное, вы слышали от какой-либо молодой мамы фразу: «Моя девочка непременно поступит в балетное училище» или «В нашей семье подрастает великая певица». К гадалке не ходи, мать сама жаждала выступать на сцене, но ее судьба сложилась иначе. Однако дочка, скорее всего, совсем не грезит о подмостках, а мечтает заниматься фотографией. С большой долей вероятности, желание девочки в расчет не примут, и мир обретет еще одну неуклюжую танцовщицу или безголосую певичку, которая хочет работать журналистом. Я сама не избежала такой участи. В детстве я была патологически неспортивным, неуклюжим ребенком, не могла выполнить ни одного упражнения на брусьях, падала кулем с бревна, даже простой кувырок вперед

давался мне с трудом. Моя бабушка поняла, что гимнастки из внучки не получится, и отдала меня в музыкальную школу. И вот тут начинается самое интересное. Я имела хорошую форму рук и длинные пальцы и вполне могла освоить азы игры на фортепьяно, но как же меня злила перспектива сидеть за инструментом! В нашем классе училась Вера Рыжкова, которая занималась в секции гимнастики и считалась звездой школы. Вот кто мог ловко крутиться на всех снарядах и бегать на руках по спортзалу. Сейчас-то я понимаю, что Рыжкова была среди профессиональных спортсменок последней, в четырнадцать лет уже побеждают на международных соревнованиях, а Веру никогда не звали ни на какие состязания, кроме районных. Но как я ей завидовала! В мечтах я видела себя олимпийской чемпионкой с золотой медалью на шее, слушала гимн Советского Союза, исполняемый в мою честь, и краем глаза следила за плачущей Верой, сидящей на зрительской трибуне. Но увы, бабушка категорически не желала отводить внучку в спортзал, мне приходилось таскаться в ненавистную музыкалку.

И как вы думаете, что сделала госпожа Васильева, когда ее дочери исполнилось пять лет? Правильно, я приволокла девочку к тренеру. Следующие три года я упорно возила малышку на тренировки. Когда Манюня перешла в четвертый класс, передо мной встал выбор: переводить ее в спортивную школу или оставить в обычной? Честно признаюсь, я была на грани радикального решения, но тут взбунтовался Аркадий и отбил сестру от профессионального спорта. В десятом классе Маша призналась:

- Мам, я ненавидела гимнастику и мечтала ходить на занятия музыкой.

- Солнышко, почему ты не сказала мне о своих желаниях раньше? - пролепетала я.

- Не хотела тебя огорчать, - вздохнула дочь.

Видите, как получается, я решила не расстраивать бабушку и маялась с нотной тетрадью, а Манюня боялась огорчить меня и мучилась в спортзале.

Но не все дети таковы. У Нади подросла весьма резкая Лариса. Несмотря на все уговоры, угрозы и родительский шантаж с припевом «Если ко мне не прислушаешься, я заработаю инфаркт», Лара пошла в художественное училище.

Надежда была в шоке, разве это нормальная специальность – малевать картины? Первый год, когда дочь убегала на занятия, Надя рыдала, но потом успокоилась. Обрести душевное равновесие ей помог мужчина, торговавший у метро пейзажами. Из простого любопытства Надя поинтересовалась, какую цену живописец хочет за свои картины, а потом пожаловалась ему на непутевую Лариску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/eskimos-s-marsa>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)